

СВОЕОБРАЗИЕ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ М. ЛУЙО «БАРАШЕК У КРАСНОЙ ДВЕРИ»

(Научный руководитель – канд. филол. наук Е. А. Климович)

Глубоко поэтичная, практически музыкальная проза современного французского писателя Мишеля Луйо построена на противоречиях – как на уровне формы, так и на уровне содержания. С одной стороны, перед нами – цепочка фрагментов, магическим образом объединяющаяся в цельный роман. С другой, соседство реальности и вымысла одновременно вызывает как сомнения в референциальности текста, так и доверие к изложенному. Благодаря авторским играм со стилем и языком читателя вплоть до конца произведения не покидает ощущение «двойного дна», что в первую очередь относится ко временной канве повествования.

В книге М. Луйо «Барашек у красной двери» (*Le mouton à la porte rouge*, 2012), обозначенной автором как «рассказ» (*récit*), имеет место классическая для автобиографичной литературы ситуация, в которой фигуры автора, героя и рассказчика сливаются воедино. О нарраторе (он же протагонист повествования) мы знаем крайне мало, да и сам роман не нацелен на раскрытие фактов из его жизни. Лейтмотив всего произведения – взаимоотношения героя с прошлым, в которые он вступает с целью реконструкции истории своей семьи.

Первое соприкосновение с миром мертвых герой относит к девятилетнему возрасту, связанному с первой потерей, утратой отца. С тех пор протагониста не покидает иллюзия присутствия тени – даже не рядом, но внутри себя: «Ce n'est que peu à peu que j'apprendrais à vivre avec l'ombre, avec la rivière, avec la mort en moi, peu à peu que je me délivrais, sans omprer pour autant avec ce père mort en moi que je portais comme une femme porte un enfant à venir...» [3, p. 10]. С этого момента прошлое часто будет вторгаться в жизнь рассказчика, а призраки ушедших всегда будут желанными гостями, ведь «quand cela vous arrive à neuf ans, jamais plus vous ne vous séparerez des morts, de ceux que vous avez connus et de ceux que vous n'avez pas connus» [3, p. 15].

Писатель не случайно упоминает о взаимоотношениях с «теми, кого вы не знали». Центральной темой романа станут взаимоотношения нарратора с дядей, умершим за 18 лет до его рождения. Магия этой связи, воспоминания о том, что не было пережито, не перестают удивлять рассказчика. Но главное – постоянное чувство привязки к прошлому, свидетельства событий, которые с ним не происходили, втягивают героя в совершенно особые метавременные, даже вневременные отношения.

Материалом для успешных межвременных переходов служат вполне осязаемые предметы – письма, фотокарточки, предметы одежды, высушенные цветы и т. д. Обнаруживая свидетельства минувших дней, рассказчик их идентифицирует, классифицирует, помещает на определенное место в семейной истории. В канву повествования включены тексты писем, открыток,

документов. Некоторые из них вызывают рефлексию героя, некоторые остаются без комментария. Ничуть не сакрализируя писательскую деятельность, нарратор относится к ней со здоровой иронией: «Collecteur d'images, de menus faits, de modestes documents, c'est ainsi que je me vois» [3, p. 48–49].

Однако все эти предметы – нечто большее, чем просто вещи. Для рассказчика они оказываются проводниками в минувшее. К примеру, по тексту одного-единственного письма – мельчайший осколок прошлого! – повествователь способен воссоздать цельную картину ситуации, восстановить личности фигурировавших в ней персонажей. Искривляя время, тот или иной документ способен «втянуть» нарратора в ситуацию, свидетелем которой он не был и не мог быть, заставить его видеть в мельчайших подробностях события, о которых он мог только догадываться.

Неслучайно одними из центральных символов романа становятся «двери» и «окна» – чаще всего «приоткрытые» или «открывающиеся». Именно они намечают мотив вечного ухода и возвращения, где пересекаются и сливаются прошлое, настоящее и будущее. И герой с благодарностью принимает каждую возможность совершить это путешествие за пределы современной ему реальности: «...et toute ma vie, je rêvais de m'ouvrir un passage à travers les fentes imperceptibles du temps et de l'espace. Toute ma vie <...> j'oscillerais d'une porte à l'autre, me réjoissant tout autant du retour que du départ» [3, p. 27].

Игры со временным континуумом отражаются как на содержании, так и на языке повествования. Ощущения плавного «скольжения» между эпохами достигается автором за счет постоянного переключения между современностью и прошлым, порою даже без использования в тексте произведения глаголов прошедшего времени. По сути, во времени глаголов уже заключено отношение автора к определенному временному отрезку своей (или не своей) жизни. Вне связи с историческим хронотопом, определенные этапы трактуются рассказчиком как прошлое совершенное, настоящее длительное, а порою даже будущее время: «Alors que la maison de grand-père Gaston où j'avais appris le décès de mon père représentait mon passé récent et décomposé, la baraque était mon présent continu et animé. Quant à la Lobe, c'était le plus-que-parfait. Dans ce jeu temporel, Edmond occupait une place à part. Je le voyais comme mon futur antérieur» [3, p. 134].

Постоянно меняя декорации и время повествования, рассказчик вполне отдает себе отчет в хаосе, порождаемом подобными перестановками: «les lieux comme les temps se superposent, se mélangent, se chevauchent, se confondent...» [3, p. 21]. Это – сознательная программа нарратора, избравшего такой тип повествования для отражения собственного ощущения истории. Истории разлагающейся, деконструктивированной, изорванной, которая может существовать лишь как коллаж из разрозненных лоскутов. Болезненное ощущение разрушающего действия времени отражается в самой фактуре текста: «Point de recomposition artificielle mais des jaillissements intermittents, des percées dans le temps. Des pépites extraites du magma constitué d'ingrédients prosaïque et poétiques intimement mêlés. Le rythme mémoriel est syncopé. Rien

ne sert de vouloir le brider, l'ordonner, lui donner une forme étale et compacte. Il n'y a pas de musique sans silence. Laisser respirer le texte» [3, p. 83].

Подобно художнику, намечающему хаотичными мазками будущую картину, автор зачастую начинает с перечисления вещей-образов, вещей-символов, которые впоследствии лягут в основу очередного воспоминания. Образы эти, часто кочующие от главы к главе, вступают в игру с памятью или воображением рассказчика, перенося его в декорации той или иной сцены. Сцены реальной и осязаемой, вне зависимости от того, принимает ли герой в ней активное или пассивное участие.

Однако, те же самые образы, что способствуют аккумуляции сюжетной линии романа, способны и отчуждать повествование от фабулы. Их сугубо личностный характер провоцирует сознание рассказчика на литературные игры на уровне ассоциаций: ассонансов и аллитераций («à vau-l'eau, à vau-la nuit, à vau-la mort» [3, p. 10], «certaine saveur, certain odeur, telle couleur, telle forme» [3, p. 68]); отголосков детских песенок («un deux trois // nous irons au bois // quatre cinq six // cueillir des cerises [3, p. 162]), рифмованных пассажей (une nuit durant // j'ai entendu // les bêlements déchirants [3, p. 165]). Все это выстраивает мир сюрреальный, стоящий в оппозиции по отношению к другому полюсу романа, миру предметному.

Включение в структуру повествования отрывков из писем и документов, диалогов в режиме «реального времени» в соседстве с приемом потока не нивелируют критерий темпоральности, но сближают хронотоп романа с хронотопом, характерным для М. Бланшо: «Un présent sans présence, un passé plus présent que le présent lui-même, un futur mais alors sans avenir, appartenant déjà au passé» [1, p. 8]. «Вакуумный» хронотоп в «Барашке у красной двери» является следствием противоречивой конструкции художественного мира романа, в котором свободно сосуществуют миры деятельности и бездействия, пространства вещественного и материального, реальность и вымысел.

Литература

1. *Hoppenot, E.* Maurice Blanchot et l'écriture fragmentaire: «Le temps de l'absence de temps» / E. Hoppenot. // Colloque du GRES. – Barcelone : Editions Presses Universitaires de Perpignan, 2002. – 363 p.
2. *Louyot, M.* Edmond Louyot, un peintre entre Allemagne et France / M. Louyot. – Metz : Editions des Paraiges, 2014. – 63 p.
3. *Louyot, M.* Le mouton à la porte rouge / M. Louyot. – Haroué : Gérard Louis éditeur, 2012. – 212 p.